

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ПОЛОЖИТЕСЬ НА ПСМИТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

P.G. Wodehouse

LEAVE IT TO PSMITH

Перевод с английского *И. Гуровой*

Серийное оформление *А. Фerez, Е. Фerez*

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Положитесь на Псмита : [роман] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [перевод с английского И. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133422-2

«Положитесь на Псмита» — полный озорного юмора роман о приключениях великосветского бездельника, периодически пытающегося заняться чем-нибудь полезным для общества. На сей раз Псмит выступает в совершенно неожиданной даже для себя роли — он становится частным детективом и расследует поразительно нелепое дело о краже бесценного ожерелья леди Констанции Кибл. Под подозрением — все, даже... сам Псмит!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1923

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-133422-2

1. Черные замыслы в замке Бландингс

I

У открытого окна величественной библиотеки замка Бландингс, обвисая, точно мокрый носок, как было у него в привычке, если ничто не подпирало его позвоночник, стоял граф Эмсуорт, милейший и тупейший пэр Англии, и озирали свои владения.

Утро было прелестно, воздух напоен летним благоуханием, но бледно-голубые глаза его сиятельства полнились меланхолией. Его чело изборождали морщины, губы горько кривились. Что выглядело очень и очень странно, поскольку обычно он бывал счастлив и весел, как только может быть счастлив и весел пустоголовый человек с превосходным здоровьем и большим доходом. Журналист в статье, посвященной замку Бландингс, однажды написал: «Трещины в камнях заросли мхом, и с близкого расстояния здание кажется мохнатым». Это описание могло бы относиться и к владельцу замка: пятьдесят с лишним лет безмятежного и мирного спокойствия придали ему странно обомшелый вид. Расстроить графа было нелегко. Даже его младшему сыну, высокородному Фредди Трипвуду, это удавалось лишь изредка.

И все же лорда Эмсуорта снедала печаль. И (не станем долее делать из этого тайны) причина его печали заключалась в том, что он куда-то засунул свое пенсне, а без пенсне он — используя его собственное оригинальное сравнение — был слеп, как крот. Всеми фибрами ощущая солнечный свет, струящийся на его сады, он жаждал сигануть туда и пошебаршиться среди своих любимых цветов. Но ни один человек, как бы ловко он ни сиганул, не сможет плодотворно шебаршиться, если мир вокруг сливается в единое неясное пятно.

Дверь позади него отворилась, и Бич, дворецкий, вступил в библиотеку торжественной процессией.

— Кто тут? — спросил лорд Эмсуорт, поворачиваясь вокруг своей оси.

— Это я, ваше сиятельство. Бич.

— Вы его нашли?

— Пока еще нет, ваше сиятельство, — вздохнул дворецкий.

— Значит, не искали.

— Искал со всем усердием, ваше сиятельство, но тщетно. Томас и Чарлз также доложили о своем фиаско. Стоукс еще не отрапортовал.

— А!

— Я вновь отряжу Томаса и Чарлза в спальню вашего сиятельства, — сказал Распорядитель Охоты. — Уповаю, что их старания увенчаются успехом.

Бич удалился, а лорд Эмсуорт повернулся к окну. Расстилавшийся перед ним ландшафт, который он, к несчастью, не мог увидеть, был удивительно красив. Замок, один из древнейших еще обитаемых памятников старины в Англии, стоит на вершине пологого холма в южном конце прославленной Долины Блэндингс в графстве Шропшир. В голубой дали лесистые холмы сбегали к Северну, сверкающему, как обнаженный меч, а от реки парк зеленой волной через при-

горки и ложбины почти накатывался на стены замка, внезапно уступая место роскошным пестрым цветникам, — здесь начинались владения Ангуса Макаллистера, старшего садовника его сиятельства. Поскольку было тридцатое июня — время неистовства летних цветов, — ближайшие окрестности замка пылали розами, гвоздиками, анютиными глазками, левкоями, штокрозами, шпорником, колокольчиками и еще множеством самых редкостных цветов, названия которых сообщить вам мог только Ангус. Добросовестный человек был Ангус, и, хотя любительские потуги лорда Эмсуорта очень его допекали, он тем не менее добивался в своей области блистательных результатов. Его клумбы давали много пищи для гордости и мало причин для озабоченности.

Едва Бич покинул библиотеку, как уединение лорда Эмсуорта вновь было нарушено. Дверь отворилась во второй раз, и на пороге застыл молодой человек в элегантнейшем летнем костюме. Его длинное идиотичное лицо завершалось глянцевыми волосами, зачесанными назад и густо набрильянтиненными, как требовала мода, а стоял он на одной ноге. Ибо Фредди Трипвуд редко чувствовал себя легко и свободно в присутствии своего родителя.

— Привет, папаша.

— Да, Фредерик?

Сказать, что лорд Эмсуорт приветствовал сына с восторгом, значило бы покривить душой. В его голосе отсутствовала нота истинной нежности. Не прошло и месяца с тех пор, как ему пришлось уплатить пятьсот фунтов, которые его отпрыск проиграл на скачках, и, хотя потеря этой суммы не нанесла смертельного удара его банковскому счету, она, бесспорно, снизила обаяние Фредди в глазах родителя.

— Говорят, папаша, вы потеряли пенсне.

— Совершенно верно.

- Плохо дело, а?
- Бесспорно.
- Надо бы завести запасное.
- Я сломал запасное.
- Это надо же! А второе потеряли?
- Верно, а второе потерял.
- Но вы его искали?
- Искал.
- Ведь где-нибудь оно же должно быть, а?
- Вполне возможно.
- А где, — спросил Фредди с нарастающим энтузиазмом, — вы его видели в последний раз?
- Уйди, — сказал лорд Эмсуорт, на которого беседа с его дитятею начинала производить гнетущее действие.
- Э?
- Уйди!
- Уйти?
- Да, уйди!
- Будет сделано!

Дверь закрылась. Его сиятельство вновь вернулся к окну.

Он простоял там несколько минут, и вдруг произошло одно из тех чудес, которые столь часто случаются в библиотеках. Без звука, без предупреждения секция книжного шкафа отделилась от родительского тела и по дуге выдвинулась внутрь комнаты вся целиком, открыв вход в небольшое, похожее на кабинет помещение. Оттуда бесшумно вышел молодой человек в очках, и книги вернулись на свое место.

Контраст между лордом Эмсуортом и новоприбывшим был разительным, если не сказать трагическим. Лорд Эмсуорт выглядел таким отчаянно безочковым, а Руперт Бакстер, его секретарь, — таким законченно очкастым! При первой встрече с ним вас поражали именно очки. Они сверкали такой неизъяснимой ком-

петентностью! Если совесть ваша была нечиста, они прожигали вас насквозь опять и опять, и, даже если ваша совесть была на сто процентов незапятнанной, отмахнуться от них вы не могли. «Вот, — говорили вы себе, — компетентный молодой человек в очках».

Назвав Руперта Бакстера компетентным, вы отнюдь его не переоценивали. Он был сама компетентность. Формально всего лишь секретарь на жалованье, он мало-помалу, благодаря бесхребетной покладистости своего патрона, стал истинным хозяином замка. Он был Мозгом Бландингса, человеком у пульта управления, носителем ответственности и, так сказать, лоцманом, проводящим корабль через любые буруны. Лорд Эмсуорт все оставлял на Бакстера, прося только одного: чтобы ему не мешали безмятежно шебаршиться, и Бакстер, более чем компетентный для такой задачи, взвалил ее себе на плечи и не поморщился.

Оказавшись в пределах слышимости, Бакстер кашлянул. Лорд Эмсуорт, узнав этот звук, мгновенно обернулся, и в нем пробудилась надежда. А вдруг и эта словно бы неразрешимая загадка исчезнувшего пенсне не устоит перед беспощадной компетентностью его секретаря?

— Бакстер, мой милый, я потерял пенсне. Мое пенсне. Куда-то его положил. И не могу вспомнить куда. Вы, случайно, его не видели?

— Видел, лорд Эмсуорт, — ответил секретарь, найдя выход и из этого кризиса, — ваше пенсне висит у вас на спине.

— У меня на спине? Подумать только! — Граф проверил это утверждение и убедился, что оно (как и все утверждения Бакстера) полностью соответствовало действительности. — Подумать только! Вот же оно. Знаете, Бакстер, мне иногда кажется, что я становлюсь рассеянным. — Он подтянул шнурок, ухватил пенсне и, сияя, водрузил на нос.

Раздражение лорда Эмсуорта исчезло, как роса с одной из его дивных роз.

— Благодарю вас, Бакстер, благодарю вас. Вы неocenимы.

И, сияя солнечной улыбкой, лорд Эмсуорт почти вприпрыжку направился к двери на пути к Небесам Господним и обществу Макаллистера. Это вызвало у Бакстера новый кашель, на этот раз резкий, категоричный, и его сиятельство неохотно остановился, точно пойнтер, которому свистнули, едва он побежал по следу. Как ни восхитителен был Бакстер во многих и многих отношениях, у него была прискорбная тенденция допекать своего патрона, и что-то шепнуло лорду Эмсуорту, что сейчас начнется допекание.

— Автомобиль будет у дверей, — сказал Бакстер со спокойной твердостью, — ровно в два.

— Автомобиль? Какой автомобиль?

— Автомобиль, который отвезет вас на станцию.

— На станцию? Какую станцию?

Руперт Бакстер и бровью не повел. Бывали минуты, когда ему приходилось с его патроном нелегко, но он сохранял хладнокровие.

— Возможно, вы забыли, лорд Эмсуорт, что обещали леди Констанции поехать днем в Лондон.

— Поехать в Лондон! — с ужасом ахнул лорд Эмсуорт. — В такую погоду? Когда в саду сотни и сотни дел? Что за нелепость! С какой стати мне надо ехать в Лондон? Терпеть Лондона не могу!

— Вы обещали леди Констанции, что пригласите мистера Мактодда позавтракать с вами в вашем клубе.

— Что это еще за Мактодд?

— Известный канадский поэт.

— Никогда о нем не слышал.

— Леди Констанция давно восхищается его произведениями. Она послала ему приглашение непременно погостить в Бландингсе, если он когда-нибудь

окажется в Англии. Сейчас он в Лондоне и завтра приедет сюда на две недели. Леди Констанция подумала, что в знак уважения к месту, которое мистер Мактодд занимает в литературном мире, вам следует встретить его в Лондоне и самому сопроводить сюда.

Лорд Эмсуорт вспомнил. И вспомнил, что этот адский план зародился вовсе не в голове его сестры, леди Констанции. Предложил его Бакстер, а леди Констанция только одобрила. Он воспользовался вновь обретенным пенсне, чтобы сквозь его стекла гневно уставиться на своего секретаря, — не в первый раз за последние месяцы в нем шевельнулось подозрение, что этот субъект становится дьявольски несносен. Бакстер позволяет себе лишнее, много берет на себя, превращается в сущую язву. Он с удовольствием избавился бы от него. Но где найти замену? Вот в чем была беда. При всех своих недостатках Бакстер абсолютно компетентен. И тем не менее несколько секунд лорд Эмсуорт позволил себе помечтать о том, как он уволит своего секретаря. И столь велико было раздражение, что он, возможно, сделал бы какой-нибудь практический шаг в этом направлении, но тут дверь библиотеки открылась, пропуская еще одну незваную особу. При виде этой особы его сиятельство забыл свои воинственные намерения.

— А... доброе утро, Конни! — сказал он виновато, точно мальчишка, которого застигли в кладовой с банкой варенья в руках. Почему-то сестра неизменно оказывала на него вот такое воздействие.

Из всех, кто заходил в библиотеку в течение этого утра, новоприбывшая смотрелась наиболее привлекательно на самый строгий взгляд. Лорд Эмсуорт был высок, сухопар, костляв; Руперт Бакстер был плотного сложения, а к тому же его физиономию несколько портила детская припухлость, которую нередко сохраняют смуглые молодые люди со скверным цветом кожи; и даже Бич, при всем его благообразии, и Фредди, при

всей его худошавости и стройности, на конкурсе красоты высокого места не заняли бы. Но леди Констанция Кибл и правда приковывала к себе все взоры. Это была величественная красавица сорока с лишним лет. Ее отличали прекрасный широкий лоб, белоснежные ровные зубы и осанка императрицы. Глаза — большие, серые, кроткие, что, кстати, вводило в заблуждение, ибо никто из близко знавших леди Констанцию не применил бы к ней эпитет «кроткая». Хотя она была достаточно мила, пока ей ни в чем не перечили, в тех редчайших случаях, когда кто-то решался чинить ей помехи, она тут же уподоблялась Клеопатре, вставшей утром с левой ноги.

— Надеюсь, я не помешала, — сказала леди Констанция, сияя улыбкой. — Я заглянула просто напомнить тебе, Кларенс, что днем ты едешь в Лондон встретить мистера Мактодда.

— Я только что сказал лорду Эмсуорту, — сообщил Бакстер, — что автомобиль подадут в два.

— Благодарю вас, мистер Бакстер. Разумеется, я могла бы догадаться, что вы не забудете. Вы удивительно предусмотрительны. Право, не знаю, что бы мы без вас делали.

Компетентный Бакстер поклонился. Но, хотя самолюбие его было удовлетворено, похвала эта особого восторга у него не вызвала: та же мысль нередко приходила ему в голову вполне независимо.

— Если вы меня извините, — сказал он, — мне надо кое-чем заняться.

— Ну разумеется, мистер Бакстер.

Компетентный удалился сквозь дверь в шкаф. Он знал, что его патрон бунтует, но знал также, что оставляет его в надежных руках.

Лорд Эмсуорт отвернулся от окна, в которое смотрел с жалобной надеждой.

— Послушай, Конни, — сказал он ворчливо, но робко, — ты же знаешь, я литературных гениев не пе-

ревариваю. Хватит того, что они заполонили весь дом, но еще и в Лондон за ними ездить...

Он угрюмо переступил с ноги на ногу. Манера его сестры коллекционировать литературных знаменитостей и набивать ими дом на неопределенный срок крайне ему досаждала. Невозможно было предвидеть, когда она натравит на тебя еще одну. С начала года на него через короткие интервалы уже обрушилась добрая дюжина представителей указанного зоологического вида, и в эти самые дни жизнь ему отравлял тот факт, что под кровом Бландингса пребывала некая мисс Эйлин Пиви, при одной мысли о которой солнечный свет вдруг исчезал, словно повернули выключатель.

— Не выношу я литераторов, — продолжал его сиятельство. — И всегда не выносил. А литераторши еще хуже. Мисс Пиви... — Тут на миг владелец Бландингса лишился языка. — Мисс Пиви... — продолжал он после красноречивой паузы. — Кто такая мисс Пиви?

— Мой милый Кларенс, — снисходительно ответила Констанция, ибо чудесное утро смягчило и обезоружило ее, — если ты не знаешь, что Эйлин — одна из ведущих поэтесс младшего поколения, ты просто глубокий невежда.

— Я не об этом. Я знаю, что она пишет стишки. Я спрашиваю, кто она такая? Ты вдруг предъявила ее, точно кролика из цилиндра, — сказал лорд Эмсуорт с возмущением. — Где ты ее нашла?

— Я познакомилась с Эйлин на трансатлантическом лайнере, когда мы с Джо возвращались из кругосветного путешествия. Она была очень внимательна ко мне, пока движение судна несколько на мне сказывалось... А если ты имеешь в виду ее происхождение, так она однажды упомянула о своем родстве с рэтлендширскими Пиви.

— В первый раз о них слышу, — огрызнулся лорд Эмсуорт. — А если они хоть чуть-чуть похожи

на мисс Пиви, да смилуется Господь над Рэтлендширом.

Как ни безмятежно было настроение леди Констанции, но при этих словах ее серые глаза угрожающе оледенели, и, вне сомнений, мгновение спустя она обрушила бы на мятежного брата один из тех громовых ответов, которыми славилась в семье еще с пеленок, но тут из книжного шкафа вновь возник Компетентный Бакстер.

— Прошу прощения, — сказал Бакстер, обеспечивая себе внимание блеском очков. — Я забыл упомянуть, лорд Эмсуорт. Для общего удобства я договорился, чтобы мисс Халлидей явилась к вам в клуб завтра днем.

— Боже великий! — Затравленный пэр подпрыгнул, словно его укусили за ногу. — Бакстер, кто такая мисс Халлидей? Еще одна литераторша?

— Мисс Халлидей — та молодая дама, которая придет в Блэдингс, чтобы провести каталогизацию библиотеки.

— Каталогизацию библиотеки? А зачем ее каталогизировать?

— Этого не делали с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года.

— Ну и посмотрите, как мы великолепно без этого обходимся, — логично указал лорд Эмсуорт.

— Не будь смешон, Кларенс, — с досадой бросила леди Констанция. — Каталоги таких больших библиотек необходимо постоянно дополнять. — Она направилась к двери. — Право, пора тебе проснуться и заняться делом. Если бы не мистер Бакстер, я просто не представляю, что могло бы произойти!

И, одарив своего союзника одобрительным взглядом, она покинула библиотеку. Бакстер с холодной строгостью вернулся к теме:

— Я написал мисс Халлидей, что два тридцать — время для вас наиболее удобное.

— Но послушайте...

— Вы, разумеется, захотите составить о ней мнение, прежде чем подтвердите приглашение.

— Да, но послушайте! Я не хочу, чтобы вы связывали меня всеми этими свиданиями.

— Я подумал, поскольку вы едете в Лондон встретить мистера Мактодда...

— Но я не еду в Лондон встречать мистера Мактодда! — вскричал лорд Эмсуорт чуть ли не в ярости. — Об этом речи быть не может! Я не могу сейчас уехать из Бландингса. Погода вот-вот испортится. И я не хочу терять ни одного солнечного дня...

— Все уже устроено.

— Пошлите этому субъекту телеграмму: «Задержан неотложным делом».

— Взять на себя подобную ответственность я не могу, — сказал Бакстер холодно. — Но если вы обратитесь к леди Констанции...

— Ну хорошо, — горько сказал лорд Эмсуорт, сразу осознав, как неисполним этот план, — ну пусть! Если я должен ехать, то должен ехать, — добавил он после угрюмой паузы. — Но бросить сад и поджариваться в Лондоне в это время года...

Тема явно истошилась. Он снял пенсне, протер его, снова водрузил на нос и зашаркал к двери. В конце-то концов, решил он, хоть автомобиль и подадут в два, все-таки у него в распоряжении все утро и надо использовать его сполна. Однако недавняя беззаботная радость от предвкушения того, как он будет шебаршиться среди своих цветов, потускнела невозвратно. Естественно, безумная мысль бросить вызов его сестре Констанции ему даже в голову не пришла, но в нем нарастало ожесточение. Будь проклята Констанция!.. К черту Бакстера!.. Мисс Пиви...

Дверь затворилась за лордом Эмсуортом.

II

Меж тем леди Констанция прошествовала вниз и вступила в величественный вестибюль, но тут открылась дверь курительной и оттуда высунулась голова, круглая седая голова с приложенным к ней румяным лицом.

— Конни! — сказала голова.

— Да, Джо? — Леди Констанция остановилась.

— Зайди сюда на минутку, — сказала голова. — Мне нужно с тобой поговорить.

Леди Констанция вошла в курительную, просторную, уютно обставленную книжными шкафами комнату с окнами, выходящими в итальянский сад. Широкий камин почти целиком занимал одну из стен, и перед ним, поворачивая расставленные ляжки перед невидимым пламенем, уже стоял мистер Джозеф Кибл. Держался он небрежно, но проницательный наблюдатель подметил бы в нем тайную робость.

— В чем дело, Джо? — осведомилась леди Констанция и ласково улыбнулась мужу. Когда за два года до описываемых событий она сочеталась браком с пожилым вдовцом, о котором было известно только, что он нажил большое состояние на южноафриканских алмазных копах, нашлось немало циников, объявивших этот брак чистой сделкой: мистер Кибл обменивал свои деньги на положение леди Констанции в свете. Ничего подобного! Это был брак по взаимной симпатии. Мистер Кибл обожал жену, а она преданно его любила, хотя, разумеется, никогда глупо ему не потакала.

Мистер Кибл откашлялся. Что-то мешало ему заговорить. А когда он все-таки заговорил, то вовсе не о том, о чем намеревался, но почему-то о том, что они уже давно и исчерпывающе обсудили.

— Конни, я опять думал о твоём колье.

— Ах, глупости, Джо! Неужели ты позвал меня в такое чудесное утро в эту душную комнату, чтобы в сотый раз повторять одно и то же?

— Но для чего напрасно рисковать?

— Это вздор. Какой тут может быть риск?

— Два-три дня назад ограбили Уинстон-корт, а до него отсюда всего десять миль.

— Джо, не будь смешным.

— Это кольцо стоит почти двадцать тысяч фунтов, — произнес мистер Кибл благоговейным тоном, каким дельцы на покое говорят о крупных суммах.

— Я знаю.

— И место ему в банковском сейфе.

— Раз и навсегда, Джо, — сказала леди Констанция, теряя мягкость и внезапно оклеопатриваясь. — Нет, я не буду хранить кольцо в банке. Какой смысл иметь красивое кольцо, если оно все время лежит в банковском сейфе? На днях будет бал графства, а затем бал холостяков, а... Короче говоря, оно мне нужно. Я отошлю его в банк, когда мы остановимся в Лондоне проездом в Шотландию. Но не раньше. И будь добр больше мне этим не надоедать.

Наступило молчание. Мистер Кибл раскаивался, что злополучная трусость помешала ему сразу же с мужественным прямотушием заговорить о том, что на самом деле его удручало: от него не укрылось, что беседа о колье, как ни разумны были его доводы, заметно испортила солнечное настроение супруги. Значит, перейти к главному теперь будет еще труднее, ибо вопрос был финансовый, а в финансовых делах мистер Кибл утратил былую самостоятельность. Они с леди Констанцией открыли общий банковский счет, и за тратами наблюдала она. Мистер Кибл давно сожалел о своем опрометчивом шаге, но идея пришла ему в первые дни медового месяца, когда мужчины склонны делать большие глупости.